

Е Е ПРИГЛАШАЛИ несколько раз в школы, и Анна Даниловна Кормильцева дважды принимала эти приглашения. Но только ничего не получалось. Встанет, взглянет в любопытные детские глазенки, а память рисует другое: испуганные, ненавидящие, наполненные болью глаза детей Освенцима, Патулицы, Лодзи — ее сверстников. И опять — в горле комок, а на глазах слезы, ничегошеньки сказать не может. Зато потом дома всю ночь мучается воспоминаниями.

ВОЙНА В БЕЛОРУССКИЙ поселок Новка пришла 23 июня. По большаку пошли колонны немцев. А по ночам, когда их поток прекращался, местные жители уходили в леса. Сперва мужчины с ружьями, небогатым боевым припасом, с первых дней создавая партизанский отряд. С ними ушел отец, Данила Федорович Жиголкин, вместе со старшим сыном Иваном. Потом, погрузив на телеги самое необходимое, в леса потянулись и бабы с детьми. Там в землянке прожила зиму и Анна с матерью, средним братом Васей и совсем малюсенькой Наденькой. Но как ни тянули продукты, а хватило их только до весны. Пришлось вернуться в свой дом. И тут-то отомстил семье партизана сосед-кулак, помня гв ссоры с Данилой Федоровичем. Ночью у дома взвизгнули тормоза машины, ворвались немцы. Одевались они под дулами автоматов. Для семьи партизана начались страшные дни.

ЛИШНИЙ РАЗ о том, что была в концлагере, я не говорила. Иной раз подружки в бане, на купании спрашивают: «Что за цифры на руке?» Шутила: «Номер полевой почты на память записала, — вспоминает Анна Даниловна. — Я ведь видела, что не всегда по-доброму относились к бывшим военнопленным. Но в анкетах, документах писала все, как было».

Самой никаких притеснений изведать не пришлось. На швейной фабрике, где работала после училища, люди по-доброму относились

ко мне. Много лет занималась профсоюзной работой. Только единственный раз в жизни секретарь комсомольской организации А. Рябкова в момент разговора бросила мне в лицо: «Чего ждешь от таких, как ты: случись война — первая предашь». Это была самая большая обида в моей жизни. Никогда не ходила, не жаловалась, но тут обратилась в партком. Разобрались, секретарь извинилась. Но вот уже на пенсии, а до сих пор вспоминаю тот случай. Те, кто пережил этот ад, никогда не смогут забыть, простить, предать...

■ К 45-летию ПОБЕДЫ В ПАМЯТИ ЖИВЕТ КОНЦЛАГЕРЬ

НА СЛЕДУЮЩИЙ день Жиголкиных вместе с другой партизанской семьей вывели на берег озера. При народе зачитали приказ: «Расстрелять», но исполнять не стали. Загнали в баню. После томительного ожидания новое объявление: «Сжечь!» Но и оно не было приведено в исполнение. Вскоре членов партизанских семей перевезли в витебскую тюрьму. Начались допросы. А потом...

Освенцим. Это географическое название всемирно приобрело свой жуткий смысл уже после войны. А в 1943 они познавали его на себе. Взрослых и детей пронумеровали (у А. Д. Кормильцевой до сих пор на руке виден № 66077), разделили. Тогда в последний раз они обнялись с матерью. Потом через шелки барака, откуда их выпускали только на утреннюю проверку, они искали, искали ее глазами...

Вскоре детей перевезли в другой лагерь — Патулицу. Но для Жиголкиных ужасы Освенцима не кончились. Прибывшая со следующей партии детей в Патулицу девочка рассказала, что потерявшую сына,

измощенную тяжелым трудом мать Васи, Ани и Нади немцы сожгли в крематории...

М УЖ Анны Даниловны вместе с другими комсомольскими работниками ломал голову: как помочь детям, оставшимся после войны без родителей? Предложений высказывалось множество и, пожалуй, все до одного Анна Даниловна попробовала на практике. Взять шефство над школьниками интерната — пожалуйста. По вечерам она бегала туда готовить с ребятами концерты, почтять им книжки, что-то рассказать. Стала забирать

на выходные детей. Особенно сроднилась с одной девочкой — та стала своей в доме. И даже неприятный факт кражи не внес разлада в отношения. Поняла женским сердцем, что дурные наклонности заронила в душу ребенка война.

Вместе со всеми выходила она на многочисленные субботники, перечисляя средства в Фонд мира, в Детский фонд. Да и так, когда работники швейной фабрики перечисляли из своей зарплаты на мирные цели, Анна Даниловна не жалела рублей — лишь бы на дело пошли. В графе против ее фамилии всегда стояла самая большая сумма.

В ПАТУЛИЦЕ Аню на месяц-полтора разлучили с пятилетней Надюшкой (Васю еще раньше забрали на работу к богатым полякам) и увели в барак, где размещались раненые немцы. Для них брали кровь: часто, много, сколько требовалось. Обратно в свой барак шла и шаталась: синие, зеленые круги плавали перед глазами.

После освобождения ребята жили в лагере еще полтора месяца. Правда, те-

перь их откармливали, одевали, готовили к обратной дороге на родину. Вася, Аня, Надюшка — все остались живы. А после того, как привезли их в детский дом в Новгородской области, нашелся брат Иван. Он партизанил, с подошедшими частями ушел на фронт. Потом был в плену, но после побега опять попал в действующие части на Балтику. Все дети Жиголкиных живы и сейчас. А вот о судьбе отца точных сведений нет. После освобождения края его оставляли председателем в родном колхозе. Но, потеряв близких, отказался отец от мирной жизни. Потом была похоронка, было и извещение, что пропал без вести. Сколько ни пытались Анна Даниловна, ее подростковый сын найти следы родного человека, так и не удалось.

В 1987 году в Киеве была встреча узников концлагерей. Анна Даниловна узнала о ней за два дня до начала, но все же наша способ приехать. Пръехали и Василий Данилович с Надеждой Даниловной.

Организаторы вели отдельный учет по концлагерям. Против графы Освенцима значилась цифра 132. И сопоставив ее с номером на руке — 66077, на котором счет узников не кончился, Анна Даниловна ужаснулась: лагерь смерти, мук, боли человеческой! Среди оставшихся в живых узников оказалось немало знакомых. «А помнишь... А помнишь...» — вспоминали они свое тяжелое детство, замученных в неволе, и плакали вместе. «А знаешь, что было дальше?» — рассказывали они друг другу. И Анна Даниловна рассказала, что у нее взрослые сын и дочь, растут трое внуков. Вместе радовались. Они слушали выступления работников Летского фонда и Фонда Мира, в музее рассматривали оружие пленных. Теперь они только музейная редкость. А еще бывшие узники решили собрать деньги в Фонд мира. Все они очень хотят, чтобы больше никогда не было войны.

М. СБИРОВА.